

Виталий Степкин

В ПЕЩЕРАХ ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

(Воронежские подземные лабиринты
открывают архивные тайны)

Земля Воронежская — край Черноземный. Такая ассоциация наиболее часто встречается, когда мы слышим имя родной земли. Черный цвет — цвет плодородной почвы, дающей ростки хлеба насущного. Но есть у нашего края еще одно богатство, открывающее нам выси Царства Небесного, — Донское Белогорье! Здесь колышется ветром ковыль, цветет ароматный чабрец, блестит, отражая солнце, меловая порода. Белый цвет — вольный цвет, белый цвет — богатый цвет, белый цвет — цвет святости и чистоты.

Идущий по донским просторам пилигрим внезапно открывает для себя в заброшенных мелом балках темнеющие порталы в иной мир, мир иноческий, мир инобытия. Вход в заброшенную пещеру после жаркого летнего зноя несет прохладу и тайну, звучащую эхом ударов тесла, благоухающую ароматом ладана и освещенную блеском горящей лучины. С каких времен доносится эхо? Луч фонаря выхватывает у сумрака заброшенные киоты и алтари, где стояли иконы и чащи, освещает кельи, в которых жили отшельники... Путешественнику, знакомому с церковной историей, может показаться, что он попал не просто в иной мир, а в далекое византийское прошлое, в пещерные монастыри Египта или Малой Азии. Слишком уж все непривычно для нашей местности. Не мог же простой русский крестьянин построить столь искусную сеть лабиринтов? Рождается легенда о временах иконоборческих, о гонимых греках-иноках восточных монастырей, ищущих пристанища в срединных землях далекого Танаиса.

Но дивногорские струны Тихой Сосны доносят иное: обитель здесь начали устраивать в XVII веке монахи, гонимые на западных окраинах некогда единой Руси и ищущие пристанища под кровом Московского царства. А что же десятки других подземелий? Белогорская пещера, протяженностью 985 м, Калачеевская — 892 м, Семейская — 580 м, Гороховская — 290 м, Шатрищегорская — 280 м, Костомаровская 3 — 278 м, Колыбелкинская 2 — 264 м, Песковская — 238 м, Селявнинская — 202 м, Галиевская — 198 м, Старокриушанская 2 — 184 м, Мечеткинская 1 — 93 м... Около полусотни уникальных объектов истории, культуры и духовного подвига.

Пещеры Белогорского Воскресенского монастыря в Подгоренском районе — самые протяженные культовые подземелья не только в Воронежской области, но и на

Вид из Новой Костомаровской пещеры,
2011 г.

всей бескрайней Русской равнине! Поднимаясь по многочисленным меловым ступеням белогорского лабиринта к наземному храму Воскресения Христа, словно преодолеваешь тяготение нашей земли, охватывающей тебя темнотой на 360 градусов, и устремляешься вместе с Воскресшим Христом к Небесному Свету! Сколько не повествуей современным паломником о Марии Щерстюковой, которая начала их вырубать в меловой толще в 1796 году при помощи окрестного населения, они не могут в это поверить. Дескать, не могли простые крестьяне в не таких уж далеких от нас XVIII–XIX веках создать все это — слышится вновь и вновь!

Но, стряхивая пыль с архивных страниц, читаем иное. Не только могли, но и построили! Создали шедевр вопреки всему. Вопреки нехватке свободного времени, вопреки отсутствию сил после долгого рабочего дня. Исследователь Белогорской пещеры Н. Креховецкий так писал об этом в 1878 году: «И думать нельзя, чтобы такой громадный труд был произведен одними

пещерными отшельниками. Им помогало все окрестное население. Кончились для селянина-труженика дневные заботы, настает ночь, он берет лопату и спешит часть ночи провести в подвигах для своего спасения». Построили труженики Белогорскую пещеру вопреки давлению огромного бюрократического аппарата Российской империи, дойдя в своих ходатайствах от уровня благочинного до Обер-Прокурора Синода, от уездного предводителя дворянства до Его Императорского Величества. И, что удивительно, император Александр I не только одобрил их начинания, но и распорядился в 1818 году оказывать Марии Щерстюковой и ее последователям всяческое содействие. Один из последних дореволюционных игуменов Белогорского Воскресенского монастыря, созданного на месте Белогорских пещер в 1882 году, Петр (Васильев) сравнивал подвиг Марии Щерстюковой с деяниями Марии Египетской. Подобно ей, она решительно изменила свой прежний разгульный образ жизни на образ деятельного покаяния. После паломничества в Киево-Печерскую Лавру Мария, преодолевая твердость скальной породы, вступила на путь внутреннего преображения. Днепровские воды превращались в донские, киевские пещеры — в белогорские, Мария — в Марию-пещерницу.

Создавали свой подземный сакральный Киев в нашей губернии крестьяне слободы Красной в Новохоперском уезде Воронежской губернии. В течение 1830–1831 годов Авраамом Ковалевым, Максимом Лутовековым, Василием Семеновым и Давидом Сомовым создаются пещеры. На вопрос об их мотивации отвечали: «Для одного богомолья, посвящая жизнь на уединение, избегая мирских сует, обратясь мыслию и желанием служить единому Богу по примеру Киевских угодников Божиих, где они, быв в пещерах, душевно пожелали употребить себя на сей подвиг для спасения души, а не для других каких причин».

Словно из глубин озера Светлояр, с колоколен далекого Китежа слышали в

XIX веке донские подвижники благощестивый колокольный звон Святой Руси. Услышали и начали строить свои подземные кельи и храмы. Г.А. Ракитянским было зафиксировано предание о пещере у села Русская Журавка Воронежской губернии: «На раздоре, в семи верстах от нас появился сильный родник. Вода с шумом полилась из гирла и стала заливать луг. А тот луг купил купец Логвинов. Видит купец, пропадает трава, беда грозит овцам, которых он выпасал, приказал забить родник камнями <...>. Ту же ночь купцу явился ангел и сказал, что ему грозит беда, если он не очистит родник. Испугался купец и приказал очистить источник. Тотчас из него хлынула вода и послышался звон колокола, а в кринице показалась икона Божьей Матери. Пришли святые люди и стали в меловой горе, что рядом с родником, рыть пещеры. К источнику приходили люди молиться и просить избавления от хвороб».

Встреча с сакральным являлась одним из толчков мотивации создания и функционирования культовых пещер. Пещерокопатель Галиевской пещеры в Богучарском уезде Воронежской губернии Мирон Гноевой говорил, что «начал копать вследствие троекратного появления Матери Божией и архидиакона Стефана, явившегося мне во сне в июне месяце 1864 года на 33-м году после совершенной потери мною зрения». При этом начинал обустройство Галиевской пещеры Мирон не на пустом месте, а продолжал дело основателя культового подземелья Алексея Дубовского, начатое в 1817 году.

Если самая протяженная пещера — Белогорская, то самый большой пещерный храм на Дону мы видим в Гороховской пещере Верхнемамонского района. Пять нефов на четырнадцать колоннах! Высота в алтаре — более 5 метров. Известно, что к обустройству этих пещер приступил Максим Курасов в 1859 году. Благочинный Ириней Миропольский в донесении правящему архиерею отмечал, что пещерокопатель Максим Курасов «объяснил ему, что он, посетивши святые места Киевские, Святогорские, Дивногорские и пещеры Белогорские, возымел твердое намерение устроить для спасения души на своей родине в трех верстах от своего жительства подобные пещеры». Фактически в это же время у слободы Селявной Острогжского уезда, рядом с Дивногорским монастырем, с 1851 года Петр Курбатов начинает вырубать в мелу пещеру, с 1853 года ему помогает Никифор Шатов. При этом они были не первыми народными пещерокопателями на территории дивногорской группы пещер. Так, в XIX веке крестьяне продолжают углублять пещеры уже прекратившего свое существование Шатрище-горского монастыря: с 1832 года — Григорий Приходько, с 1840 года — Михаил Полиев.

Отметим, что среди многочисленных культовых пещер Воронежского края, созданных в рамках народного пещерокопания, только Белогорские пещеры смогли трансформироваться к

Крестный ход у входа в пещерный храм Александра Невского, 2006 г.

Храм в пещере у с. Гороховка. Фото М. Леонтьева, 2010 г.

концу XIX — началу XX столетия в официально действующий монастырь, хотя подобные попытки принимались, конечно же, и в других местах. Так, известно, что 11 августа 1885 года жители Калача на сходе сельского общества уполномочили крестьян Ивана Серякова, Матвея Безуглого и Гавриила Лебединского ходатайствовать в различные инстанции об открытии на месте пещер в Пеньковой горе православного женского монастыря. При этом обществом выделялось 1300 рублей денег и отводилось 36 десятин земли на обустройство обители.

15 июня 1908 года Костомаровское сельское общество на сходе приняло решение уполномочить своих представителей ходатайствовать перед органами власти об освящении вырубленной в меловом склоне церкви и причислении ее к Белогорскому Воскресенского пещерному монастырю. При этом для достижения своей цели костомаровские крестьяне готовы были нести и материальные издержки, решив на сходе «отмерить вокруг находящихся пещер пять десятин земли для постройки, какую разрешит начальство». Надо заметить, что костомаровские ходатаи так же, как и калачеевские, не нашли поддержки ни на епархиальном, ни на синодальном уровнях.

Но почему для крестьян были так важны созданные ими пещеры? Что значили для донских обывателей подземные кельи и храмы, протяженные лабиринты, вырубленные в меловой породе неподалеку от сельских изб и наземных церквей? Не просто перенесенное сквозь пространство и время сакральное пространство значимых паломнических центров, но и утопическую мечту об идеальном локусе священной земли. Пещеростроители при поддержке окрестного населения не искали далекого Беловодья на восточных границах империи, а деятельно воплощали мечту на меловых склонах речных долин. Иноческая аскетическая традиция подземножителства, уходящая корнями в Древнюю Русь, в Киево-Печерскую Лавру, произрастала народным пещерокопанием на меловых склонах донской долины, меж останцов-див и холмов-шатриц. Здесь было все: податливая для вооруженной теслом крестьянской руки порода; сохраняющая традиционный православный уклад крестьянская община; этнический компонент переселившихся-

ся с Поднепровья малороссов, хорошо знакомых с практикой почитания и обустройства подземных святых. Здесь был фронт, где слобожанам даже дышалось легче в среде столь значимого белого цвета в народной культуре. Белый свет — это Божий свет, вольный свет. Л.А. Тульцева в статье, посвященной менталитету православного крестьянина, отмечала: «Вольный Белый царь “над царями царь” и вольные белососные крестьяне — эти две социальные категории, хотя и разные по происхождению, были благодатным материалом для рождения крестьянских утопий. Если, например, постараться выстроить цепочку: Белый свет — Белый царь, то логическим к ней дополнением будут некоторые понятия из народной (старообрядческого происхождения) утопии и прежде всего о стране Беловодье и стране Белогорье».

Страна Белогорье — далекая в легендах о сказочных землях Алтая и близкая нам в реальной донской истории и ландшафте. Заглянув с читателем в ее историю, мы приоткрыли страницы жизни донских подвижников благочестия. О многих из них в людской молве память давно исчезла, о ком-то еще жива. Помнят об односельчанине Марии Шерстюковой блаженном Петре Еременко, который подвизался в Белогорских и Костомаровских пещерах в первой половине XX века. По причине юродствования односельчане называли его блаженным Петрушкой. Ходил блаженный фактически круглый год в одной и той же длинной домотканой шерстяной одежде, подобной пальто, говорил притчами, часто используя присказку «А подай тиби...» Люди обращались к нему за помощью в кризисных ситуациях. Он давал иносказательные советы, иллюстрирующие, как поступить в тех или иных стесненных жизненных обстоятельствах. Часто просили его помолит при болезнях, после чего, как рассказывали белогорцы, наступало выздоровление. Время от времени он приходил из Белогорья в Костомаровские пещеры, где, вырубив в мелу себе келью неподалеку от входа в Спасский храм, проживал, принимая приходящих за помощью. Активное участие принимал Петр и в формировании подземного пространства Спасского пещерного храма. О его продолжателе в устройстве Костомаровских пещер (в частности, подземного храма Веры, Надежды, Любви и матери их Софии) Андрее Васильевиче Попове автору также довелось узнать от местного населения. Он дал обет служения Богу в одном из боев Великой Отечественной войны, когда вокруг горела земля и плавился металл. В период послевоенной оттепели между государством и церковью в 1946 году официально открываются костомаровские пещерные храмы, и Андрей Попов приходит сюда. Когда в 1959 году храмы по распоряжению советских властей вновь закроют, принявший монашество Андрей Попов продолжит тайный многолетний затвор в одной из скрытых меловой плитой келий пещерного лабиринта...

А о скольких подвижниках благочестия до нас не доходят рассказы старожилов и архивные повествования? О подвижниках, старающихся подражать мужам древним, о которых апостол Павел писал, что «те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (к Евр. 11/38–39). А пещеры, созданные натруженными руками и крепостью духа, живут, привлекая паломников за многие версты. Дивногорье, Костомарово, Белогорье, Калач — готовы к их встрече! Хочется верить, что и в другие пещеры вернется духовная жизнь, ведь край Воронежский — часть Среднерусского Белогорья, самого богатого на культовые пещеры уголка нашей огромной страны.

В.В. СТЕПКИН,

*учитель истории и обществознания МБОУ Павловская СОШ с УИОП,
доктор исторических наук, победитель конкурса лучших учителей
Воронежской области — 2011*